

Трагед

— Поздравляю с женитьбой, друг!

Не размыкая глаз, накрываю телефон ладонью, чтобы приглушить поток льющихся из динамика звуков. Голова раскалывается, веки свинцовые, мозг превращает набор слов в кашу, лишённую смысла. Бью по дисплею и вдавливаю его в матрас, чтобы заткнуть раз и навсегда, но надоедливый голос продолжает транслировать по громкой связи какую-то хрень.

— Я, конечно, не ожидал от тебя... И от нее тоже... Да что уж там, никто от вас такого не ожидал! Но мы рады. Надеюсь, ты сделал это не ради контракта?

Хрипло прорывав ругательство, поворачиваюсь на бок и открываю один глаз. Яркий свет беспощадно режет по глазам, словно мне в лицо швырнули битого стекла. Я будто ослеп, а лучше бы оглох, чтобы не слушать весь этот бред.

— Совет да любовь! Молодой жене привет, — добывает меня радостный возглас.

Совсем идиот? Я принципиальный холостяк, и у меня есть только одна дама сердца — моя дочь.

Кстати, кто звонит? Фокусируюсь на имени контакта: «Матвей “Александрия”». Да чтоб он несварение желудка схватил от своей же стряпни! Петросян в колпаке! Надо было еще тогда закрыть его ресторан к чертям собачьим, а не писать объективный отзыв.

Наша дружба с первого дня приносит мне одни проблемы.

— Мой ресторан всегда открыт для вас. Годовщина свадьбы, крещение ребенка...

— М-гу, хорошая шутка, — ворчу я, наконец-то обнаружив кнопку отключения. — Фу-ух! — Перекачиваюсь на живот и, уткнувшись лицом в подушку, наслаждаюсь благодатной тишиной.

Недолго... Потому что в нос резко бьют винные пары.

Поднимаюсь на локтях, всматриваюсь в бордовые пятна на темно-серой наволочке, веду взглядом вниз, по испачканной простыне. В моей постели будто освежали кого-то, и он долго истекал кровью. Но даже этот вариант был бы лучше и безопаснее, чем...

— Я же не пил вчера?

Любой алкоголь мне противопоказан. Один глоток может привести к необратимым последствиям. Поэтому я не пью. Никогда и ничего крепче кефира.

— Нет, точно нет. — Сажусь на кровати и спускаю ноги на пол, обхватываю взрывающуюся изнутри голову руками.

Наверняка у этой жуткой мигрени есть какая-то другая, логичная причина. Например, магнитные бури, злые духи или чакры забились. Я на все согласен, лишь бы не ужасаться, восстанавливая события минувшей ночи.

А что, собственно, было вчера?.. Черт!

Определенно не свадьба! За одну ночь невозможно жениться.

Уверен, небольшому провалу в памяти тоже есть нормальное объяснение. И я его найду.

Но сначала в душ.

«Я на тебе никогда не женюсь...» — всплывает в сознании строчка из дурацкой песни, пока я несу свое

ватное тело в сторону двери. Отгоняю навязчивый текст и отмахиваюсь.

Бред! Откуда это? Я мужик серьезный, в караоке модные шлягеры не ору. Да и вообще, у меня репутация! Важный контракт на носу.

В ванной пахнет сладкими ягодными духами, которые кажутся мне знакомыми.

«Ты как малиновое варенье. Так бы и съел», — опять вторгается в мозг непонятная фраза. А следом: «Я лучше съем перед ЗАГСом свой паспорт...»

Сдаюсь! Ни хрена не понимаю.

Выбрасываю белый флаг. Просто дайте спокойно помыться.

Переступаю бортик кабинки и на белоснежном поддоне сразу же замечаю несколько коротких рыжих волосков. Надеюсь, они не оттуда, откуда я думаю?

Включаю холодную воду, чтобы смыть все это и освежиться, подставляю лицо под хлесткие струи.

Думаю... Получается фигово. Ничего не сходится.

Дело в том, что я никогда не привожу женщин домой. Это главный принцип. Табу на левых баб в родных стенах. Здесь живет моя дочь, которой незачем встречаться со случайными шалашовками, а постоянной партнерши у меня нет. Не хочу. Мне и так хорошо. Даже на автопилоте никого не притащил бы.

Яростно растираю лицо ладонями — и в какой-то момент ощущаю, как щека горит от царапины.

— Какого...

Выставляю обе руки перед собой. Концентрирую взгляд на правой. Мысленно ору матом, а в реальности теряю дар речи.

На безымянном пальце красуется... обручальное кольцо.

— Что за говно, Высоцкий? Как же ты так встрял?

Пулей вылетаю из душа, обернув бедра полотенцем. На ходу пытаюсь снять кольцо, но оно как будто в кожу вросло. Теперь разве что вместе с пальцем открутить.

Лихорадочно осматриваю комнату в поисках улик, рывком стаскиваю постельное белье, босой ногой наступаю на что-то маленькое и твердое. Нахмурившись, поднимаю с пола чокер с подвеской инь-ян. Криво сложенный пазл разлетается на мелкие части.

Невозможно! Точно нет!

Зло сжав украшение в кулаке, ищу свой паспорт. Сразу надо было с этого начинать. Судорожно листаю страницы, которые словно слиплись на графе с семейным положением.

С третьей попытки разворачиваю документ.

А вот и штамп...

— Да откуда ты здесь, блин горелый? — сокрушаюсь я, запускаю пятерню в волосы.

— Пап, ты проснулся? — доносится тонкий и безгранично любимый голосок.

Не успев прочитать имя так называемой супруги, захопываю паспорт и оборачиваюсь, зачем-то спрятав его за спиной. В дверях мнетя моя семилетняя дочь, накручивает кончик аккуратной косички на палец. Не помню, чтобы заплетал ее, я так не умею.

— Будешь с нами завтракать? — Маруська улыбается во весь рот, и я невольно тоже приподнимаю уголки губ. Люблю свою малышку, ни в чем ей отказать не могу. — Мама просила не будить тебя, чтобы ты не злился, но я тайком к тебе поднялась. Она там блинчики приготовила, пальчики облизешь, — комично повторяет поварской жест, когда нужно показать,

что блюдо очень вкусное. Чмокнув сложенные пальцы, довольно мычит и прикрывает глаза. — Белиссимо!

— Сейчас спущусь, Маруська, — смеюсь над маленькой вообразулей. — Сто-оп! Повтори? — недоуменно бормочу я, когда за дочкой уже захлопывается дверь. — Какая, к черту, мама?

Не одевшись, прямо в полотенце, с чокером и паспортом в руках, я молнией слетаю на первый этаж. Замираю на пороге кухни.

Взгляд скользит по миниатюрной, угловатой фигурке. Поднимается от тонких ножек к небольшой попе. Вверх по ровной спине. Притормаживает на рыжем затылке с короткой стрижкой.

Узнаю эту девушку. Мне даже не надо ей в лицо смотреть. Она средоточие всего, что я терпеть не могу.

Я люблю баб с пышными формами и длинными волосами, чтобы было за что схватиться и что намотать на кулак в процессе...

А эта... недоразумение какое-то! Ходячий взрыв мозга. Даже ее основная профессия мне противопоставлена — сомелье. Просто комбо. Образец женщины, которую я никогда бы не позвал замуж.

— Александра, — вслух зачитываю ее имя, выбитое в моем паспорте. — Как ты это объяснишь? — Нервно бросаю документ на стол.

Подумать только! Новоиспеченная Александра Высоцкая. Моя законная супруга. Да ей даже фамилия эта не идет. Абсолютно!

Она вздрагивает всем телом, роняет лопатку на столешницу, вновь хватается ее и, крепко сжав в руке, как оружие, медленно оборачивается. Спотыкается взглядом о мой голый торс, залипает на доли секунды, кружит по прессу, спускается к полотенцу. Шумно сглатывает и вспыхивает, как спичка.

Интересно, а первая брачная ночь у нас была? Не помню... Впрочем, нет. Плевать!

— Утро доброе. — Нагло щелкаю пальцами перед ее конопатым носом. — Расскажешь, как ты в мой паспорт пролезла? — грозно рявкаю.

Благо, дочки рядом нет — побежала умыться. Зато не увидит, как я ее так называемую «маму» придушу. А я на грани...

— Доброе утро, Олег Геннадьевич, — на удивление вежливо обращается ко мне эта дерзкая рыжая дрянь. — Не знаю. Это не я.

Подозрительно. В здоровом уме и твердой памяти я бы на ней никогда не женился. Чушь! Подстава какая-то! И эта пацанка точно в ней замешана.

— Сердце завидного холостяка, известного ресторанного критика наконец-то занято, — перебивает нас голос журналистки из телевизора. — Избранницей самого желанного мужчины нашего города стала обычная официантка.

— Я сомелье... была, пока не уволили из-за «самого желанного мужчины», — фыркает и кривляется дикая рыжая кошка рядом, но мне не до нее.

Не вовремя! Ненавижу сплетни и скандалы. Они бьют по репутации, а это мне ни к чему. Особенно сейчас...

— Они расписались тайно. Значит ли такой скоропалительный брак, что... невеста беременна?

Гипнотизирую взглядом экран. На кадрах — мы в ресторане вместе с Сашкой. Она спорит со мной, как обычно, размахивает руками, а я вдруг впиваюсь в ее губы поцелуем.

— Да ну на хрен, — скептически выдыхаю, покосившись на нее.

Обижается, каждой веснушкой краснеет, но при этом гордо вскидывает подбородок.

— Завтрак готов, вы Маруську покормите, а я пойду. — Задрав голову, она пытается меня обойти.

Преграждаю ей путь, вынуждая врезаться в мою грудь. Какая она мелкая! Я даже не почувствовал, как она впечаталась меня. Будто мошка влетела в лобовое стекло машины на полной скорости. В том случае я бы включил дворники и смахнул размазанное насекомое, но от рыжей занозы так легко не избавиться.

Беру ее за плечи и, сжав, отрываю от себя. Вспоминаю о найденном у постели чокере, оборачиваю его вокруг лебединой шеи. Наклоняюсь, ощущаю, как часто Сашка дышит мне в плечо, и застегиваю ленту, как ошейник. Так бы и затянул на ней потуже... Цокнув языком, подталкиваю внезапно остолбеневшую девочку к столу, ногой небрежно отодвигаю стул.

— Сидеть, — даю команду, как собачке. Устраиваюсь напротив, закинув ногу на ногу и не стесняясь своего фривольного вида. Я у себя дома, а она пусть краснеет или привыкает. — Так вот ты, значит, какая... жена.

— Ненастоящая. — Сводит тонкие выцветшие брови к аккуратной переносице.

— С чего это вдруг? Самая настоящая. Я, конечно, ни черта не помню, но штамп о браке есть. По паспорту ты моя, — постукиваю указательным пальцем по обложке с гербом.

— Я не знаю, как это произошло. — Сашка отводит взгляд. — И сама ничего не помню. Я бы не согласилась за вас выйти! Ни за какие деньги, — заявляет вдруг, отчего в груди неприятно царапает. Хамка. Да со мной любая готова и в постель, и в ЗАГС. — В общем, сами разбирайтесь, мне домой пора. Встретимся в день развода. — Поднимается с места.

— Сидеть, — рывкаю, делаю рывок вперед и настойчиво надавливаю руками на ее хрупкие плечи, буквально приклеиваю Сашку к стулу. Вальяжно разваливаюсь на своем, откинувшись на спинку. — Жenuшка-а, — протягиваю нараспев, пробуя это слово на вкус. Противное и горькое, как вся моя гадская жизнь. Но что поделать.

— Хватит меня так называть, — шипит женушка, на секунду показывая свое истинное лицо. Стервозинка рыжая.

Как же я влип! По самое не балуй. Увяз в болоте под названием «семья». Но тонуть будем вместе.

— Привыкай, дорогая, — специально называю ее так ласково, на миг дезориентируя. — Ты никуда отсюда не уйдешь... — Подаюсь вперед, облачаясь о стол, чтобы приблизиться к ней и угрожающе шепнуть: — Мне не нужен развод. Останешься в качестве моей жены, пока я не отдам команду: «Хватит». До тех пор будешь послушно исполнять супружеский долг. Слышала, что репортеры сказали? Беременная... — красноречиво поглаживаю ее по руке, краем глаза замечаю, как в лицо летит чашка кофе.

Рыжая зараза! Будь проклят тот день, когда мы впервые встретились.

Глава 1

Незадолго до брака...

Александра

— Сашка, ты же не собираешься опять ехать на этом? — причитает мама, пока я выкатываю из гаража ярко-желтый мопед. Не дамский транспорт, согласна, но и я не королева Англии.

— Я опаздываю, мам, — важно сообщаю, пыхтя и не оглядываясь. — Из ресторана позвонили, срочно вызывают на работу. Весь коллектив собирают, проверку какую-то ждут, при этом в детали никого не посвящают. Меня самую дико раздражает эта ситуация, но выбора нет. Ты же знаешь, как я дорожу своей работой. Лишние деньги нам не помешают, особенно если это высокая зарплата сомелье. А главмымра так и ждет, за что бы меня оштрафовать, — добавляю чуть слышно и обреченно. С начальством мне не повезло — цепляется к каждой мелочи.

— Вызови такси!

Мама подходит ближе, закутывается в просторный теплый халат, скрещивает руки на груди и укоризненно смотрит на меня.

— Нет, — бросаю я с улыбкой. — В наши дебри мало кто согласится ехать в такую погоду. Пока найдут хоть какого-нибудь захудалого водителя на старой каракатице, которую не жалко, уже утро наступит.

К тому же сейчас час пик и машины стоят в длинных пробках, как засоры в старых трубах. Я вечность добираться буду! Зато железный конь у меня маневренный... — Похлопываю по кожаному сиденью ладонью, а потом, невзирая на мамины протесты, перекидываю через него ногу. — Я на нем путь срежу через дворы и переулки.

— Упрямая! — Мама закатывает глаза. — Вся в отца.

— Сочту за комплимент, — подмигиваю ей и, удобнее оседлав мопед, надеваю шлем.

— Сегодня годовщина его смерти, — произносит она потухшим голосом.

— Я помню, — лепечу внезапно онемевшими губами. Протягиваю руку, подаюсь вперед, чтобы погладить маму по предплечью. — Не ложись без меня, я постараюсь вернуться до ночи. Посидим вместе, переберем старые фотографии, повспоминаем папу. Я привезу его любимое вино.

— Как скажешь. — Мама смягчается, а в ее глазах блестят слезы. Чувствую, что и по моим щекам скатываются горячие капельки, часто моргаю. — Ты такая молодец. Он бы гордился тобой.

— Гордится, — поправляю ее. — В настоящем времени. Сидит там на облачке все эти годы и наблюдает за нами, — указываю пальцем вверх. Небо хмурится и гроыхает, словно отец надрывно кашляет. Сквозь серые тучи пробивается слабый луч солнца, падает маме на лицо. — Видишь, солнечный поцелуй. Это значит, что он очень любит тебя до сих пор.

Знаю, все это звучит наивно и по-детски, но действует: мама улыбается сквозь слезы, немного отвлекается. После смерти отца она так и не вышла замуж, посвятила себя моему воспитанию. Никого не

смогла впустить в нашу жизнь и тем более полюбить. Брак родителей не был идеальным: случались и ссоры, и недопонимания, и проблемы. Но в этом и соль! Он строился на любви и взаимных эмоциях. Их отношения всегда были искренними, живыми, неподдельными, так что такие сильные чувства... не умирают.

— Ох, и сказочница ты у меня, Сашка. — Мама поправляет на мне шлем и опускает визор. — Кому угодно зубы заговоришь.

Улыбнувшись, завожу мопед и слишком резко трогаюсь с места под возмущенное бурчание, доносящееся мне вслед. Черт, зря я так.

Еду по прямой медленно и аккуратно, но стоит мне повернуть и скрыться из поля зрения мамы, как я ускоряюсь, насколько позволяет железный малыш.

Как назло, начинается дождь. Погода ухудшается с каждым новым километром, будто я въезжаю в зону циклона. Крупные капли бьют по моему шлему, скатываются по светло-желтому прозрачному визору, застилают обзор.

Объезжаю очередную пробку и, чтобы сократить дорогу, ныряю в подворотню. Направляюсь в сторону школы и машинально снижаю скорость, ведь неподалеку дети, а они — народ импульсивный и редко соблюдают правила дорожного движения. Если кто-то выскочит под колеса, я должна успеть затормозить.

Капот мопеда прорезает плотную стену дождя, а я замечаю маленькую одинокую фигурку на остановке. Сидит на скамейке под крышей, болтает ножками, а рядом валяется портфель.

— Это не мое дело, — бормочу, проезжая мимо. — Я тороплюсь, — уговариваю себя, сжимая руль. — А-ай, к черту! Не такие уж большие штрафы в ресторане, — выпаливаю на эмоциях и разворачиваюсь.